

В. В. Акимов

Ветхий Завет в контексте литератур древнего Ближнего Востока

Священное Писание, являясь важнейшим богословским источником, содержит неизменные, вечные истины. Однако эти истины выражаются в каждой священной книге конкретным автором на конкретном языке конкретного народа, отражая культурные реалии конкретной исторической эпохи. Поэтому постижение библейского текста требует глубокой осведомленности и в узком, и в широком его контексте; постижение Писания, как и обретение Царства Божия (Мф. 11:12), требует со стороны человека усилий.

Расширение наших познаний об истории и культуре Древнего Ближнего Востока, которое стало возможным в результате потрясающих археологических открытий, начавшихся на заре XIX века и продолжающихся по сей день, открыло новые перспективы для изучения Ветхого Завета. В ходе этих открытий человечество смогло прикоснуться к уже утраченному литературному наследию великих цивилизаций Египта, Месопотамии, Сиро-Палестины, Анатолии. И уже сегодня библейские исследования, библейские переводы и толкования невозможно представить без учета литературы древних ближневосточных народов, влияние

которой пронизывает все литературные пласты Ветхозаветного Писания¹.

В том, что древние еврейские писатели Библии могли быть знакомы с литературой окружающих их народов, нет ничего удивительного. Само Писание свидетельствует о постоянных живых контактах Палестины с Египтом и Месопотамией. А влияние традиций народов Ханаана определяется языковой близостью.

Отечественная дореволюционная библеистика застала только начало великих археологических ближневосточных открытий. И по сей день важная проблема сопряжения данных, полученных в ходе археологического изучения, с Библией достаточно редко попадает в поле зрения русских библеистов. В недавнее советское время обнаруженные параллели использовались для дискредитации Библии. И неудивительно, ведь сходство ряда библейских текстов с литературными памятниками Ближнего Востока ставит вопрос о понимании богодухновенности Библии. Однако сравнительный анализ близких друг другу текстов может помочь в выявлении тех глубинных смыслов библейского текста, которые позволяют говорить о нем как о богодухновенном Писании.

Само же сходство начинается уже с первых библейских строк. Начальная история мира и человечества по книге Бытие сразу отсылает нас к древним ближневосточным мифам и легендам. Древний читатель или слушатель библейских текстов не мог не знать и не сопоставлять рассказы Бытия с древними легендами о творении мира и человека в вавилонской поэме «Энума Элиш»², легендами об

¹ О связях библейского текста с литературами древнего Ближнего Востока см.: Синило, Г. В. *Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета)*: учеб. пособие / Г. В. Синило. М.: Флинта; МПСИ, 2008.

² Боднар, Б., диакон. *Первые главы книги Бытия и ближневосточные мифы* / диакон Б. Боднар. ЛДА, 1984.

Андрианов, А. *Библейское учение о творении мира и языческие мифы Древнего Востока. Диссертация на соискание ученой степени*

истории начала в шумерском сказании «Энки и Нинхурсаг»¹, о творении мира божественными словами в египетском «Мемфисском богословском трактате»², о созидании мироздания в египетской Гермопольской космогонии³, о смешении языков в шумерском мифе «Энмеркар и правитель Аратты»⁴, о всемирном потопе в шумерском мифе и в аккадских «Эпосе о Гильгамеше» и «Сказании об Атрахасисе»⁵. История происхождения Моисея напоминает историю Саргона Великого из аккадского «Сказания о Саргоне». Кроме того, ряд повествований первой библейской

кандидата богословия / А. Андрианов. Санкт-Петербургская духовная академия, 2005.

Акимов, В. В. *Вавилонская поэма «Энума элиш» и рассказ Библии о творении мира Богом* / В. В. Акимов // *Материалы 9 Международных Кирилло-Мефодиевских Чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры, 23-26 мая 2003 г.* Мн., 2004. Ч. 1, кн. 1. С. 66-72.

¹ Крамер, С. Н. *История начинается в Шумере* / С. Н. Крамер. М.: Наука, 1965. С. 168-175.

² О связи древнеегипетских космогоний с Библией см.: Коростовцев, М. А. *Древний Египет и космогония древних иудеев* / М. А. Коростовцев // *Палестинский сборник*. № 25 (88). Л., 1974. С. 20-26.

Коростовцев, М. А. *Религия Древнего Египта* / М. А. Коростовцев. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2000. С. 396-398.

Genesis in Egypt. The Philosophy of Ancient Egyptian Creation Accounts / by James P. Allen. New Haven, Yale University, 1988. (Yale Egyptological Studies 2).

³ Рак, И. В. *Египетская мифология* / И. В. Рак. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2000. С. 39.

⁴ Перевод и транслитерацию текста мифа см.: *Epics of Sumerian Kings: the Matter of Aratta* / by Herman L. J. Vanstiphout; edited by Jerrold S. Cooper. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2003. (Writings from the ancient world; no. 20).

⁵ Акимов, В. В. *Библейское повествование о потопе (Быт. 6-9) и древняя ближневосточная литература* / В. В. Акимов // *Материалы 10 Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных Дням славянской письменности и культуры, 24-26 мая 2004 г.* Часть 1. Мн., 2005. С. 138-150.

книги имеют литературные черты древних эпических сказаний¹.

Библейский текст языком знакомых древнему человеку сказаний и преданий, посредством привычной древнему человеку литературной формы доносил совершенно новые идеи – о бытии Единого и Единственного Бога, волей Своей создавшего мир и человека, о величии человека и совершенстве мира и причинах испорченности того и другого, о великой любви Бога к миру и человеку, сохраняющей и дающей шанс человеку вернуть утраченное блаженство.

Можно в какой-то мере сравнить использование древних литературных мотивов в Ветхом Завете (хотя эти мотивы могут быть и частью раннего общечеловеческого предания) с использованием термина «Логос» в Новом Завете, позволившем сделать новозаветное откровение близким и понятным античному человеку².

Включая повествования, относящиеся к прошлому древнего еврейского народа, Библия является преимущественно книгой исторической. Богословское учение подается в ней сквозь призму исторических повествований. Исторические книги Библии содержат не простую хронику событий, а именно богословское осмысление этих событий, так что едва ли справедливо говорить о том, что историография, историческая мысль получила начало в античном, греко-римском мире³.

¹ Кассуто, Умберто. *Эпическая поэзия в Древнем Израиле* / Умберто Кассуто // *Библейские исследования. Сборник статей*. Выпуск 1. М., 1997. С. 113-150.

² Акимов, В. В. *Учение о Логосе в античной философии и христианском Откровении* / В. В. Акимов // *Материалы 15 Международных Кирилло-Методиевских Чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры (Минск, 21-24 мая 2009 г.)*. Мн., 2010. С. 156-167.

³ Вейнберг, И. П. *Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э.* / И. П. Вейнберг. М., 1993. С. 316-318.

фон Рад, Г. *Начало историописания в древнем Израиле* / Г. фон Рад // *Библейские исследования. Сборник статей*. Выпуск 1. М., 1997.

Если учесть тот факт, что сами библейские тексты создавались на протяжении столетий около двух с половиной тысяч лет назад, адекватное изучение Библии зависит от изучения древних источников по истории Египта, Месопотамии, Сиро-Палестины. Особую роль при этом могут играть записи исторических событий, которые оставили древние правители. Мы имеем целый ряд царских хроник, происходящих из стран библейского мира, фиксирующих военные успехи правителей, содержащих своеобразные отчеты божествам об успехах, порой преувеличенных. Древние царские надписи содержат повествования о событиях, о которых мы знаем с библейских страниц. При этом внебиблейские повествования о библейских событиях порой сохранились в записи, практически современной самим этим событиям. А дошедшие до нас столь же древние ассирийские рельефы фактически являются иллюстрациями к библейским событиям, современными самим событиям.

В качестве примеров достаточно вспомнить рельефы, рассказывающие о взятии Лахиша войсками Синаххериба из царского дворца в Ниневии¹, «Анналы Синаххериба» из Призмы Тейлора, излагающие ассирийскую версию похода на Иерусалим, описанного в 4 Цар. 18:14-16 и Ис. 36-38², а также изложение освободительной войны под руководством моавитского царя Меши из Моавитского камня и остракона из Вади эль Керака, соответствующее 4 Цар. 1-

¹ В настоящее время эти рельефы хранятся в Британском музее. См.: Mitchell, T. C. *The Bible in the British Museum. Interpreting the Evidence* / T. C. Mitchell. London: The British Museum Press, 2001. P. 60-64. (Document 27).

² Акимов, В. В. *Эпоха правления иудейского царя Езекии: история и богословие истории* / В. В. Акимов // *Труды Минской Духовной Академии*. № 6. Жировичи, 2008. С. 103-112.

Выдрин, А., диакон. *Некоторые археологические свидетельства историчности повествования Летописца о царе Езекии в 2 Пар. 29-32* / диакон А. Выдрин // *Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования»*. Выпуск 3. Минск: Ковчег, 2012. С. 87-112.

3¹. В связи со сравнительным изучением подобного рода текстов встают вопросы о согласовании некоторых незначительных несовпадений в исторических свидетельствах. Но особый интерес представляет то богословие истории, с которым мы сталкиваемся в некоторых ближневосточных письменных памятниках, которое близко богословию истории Пятикнижия, исторических и пророческих книг Библии. Надпись упомянутого Моавитского камня объясняет угнетение Моава со стороны Израиля (дома Омри) тем, что моавитский бог Кемош гневался на свой народ². А персидский царь Кир объяснял успех своих завоеваний тем, что именно к нему, как восстановителю национальных культов побежденных народов, выражали свое благоволение боги этих народов³.

Немалый объем параллелей дает и сравнение ветхозаветного законодательства с правовыми памятниками древних ближневосточных народов. Особое влияние на библейский текст оказали древние месопотамские правовые традиции, которые нашли свое выражение в реформах Уруи-

¹ Compston, Herbert Fuller Bright. *The inscription on the stele of Mesa commonly called the Moabite Stone: The Text in Moabite and Hebrew, with Translation* / Herbert Fuller Bright Compston. London, 1919.

Briend, J.; Caubet, A.; Pouyssegur, P. *La Louvre et la Bible* / Briend J., A. Caubet, P. Pouyssegur. Paris, 2004. P. 206-207.

Скнарь, О., протоиерей. *Каменные страницы библейской истории. Исследования эпиграфических памятников Израиля и Иудеи периода Первого Храма (10-6 вв. до Р. Х.)* / протоиерей О. Скнарь. Том 1. Киев: Послушник, 2013. С. 67-167.

² Стела царя Меша, строка 5-6.

³ В Цилиндре Кира сообщается что вавилонский царь Набонид «осквернил служение Мардуку, главе богов», отчего боги оставили Вавилон. «Но вот, Мардук, глава богов, услышал стенания народа вавилонского, и разгневался. И покинул Он, а с ним и другие боги, все храмы, выстроенные для них в Вавилоне. И искал Мардук по всей земле правителя праведного, чтобы поставить его во главе новогоднего шествования акиту. И избрал Кира, правителя Аншана, и помазал его в правители над всей землей». *Цилиндр Кира*: Пер. М. А. Дандамаева // *Хрестоматия по истории Древнего Востока* / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Канцельсона, В. И. Кузищина: В 2 ч. М., 1980. Ч. 2. С. 19-20.

нимгины, собраниях законов Шульги, Эшнунны, Липит-Иштара, Хаммурапи, юридических документах из Нузи. Влияние месопотамского права можно проследить и в повествовательной части Пятикнижия, и непосредственно в библейских законодательных сборниках¹. О высокой степени этого влияния говорит то, что в древнейшем библейском законодательном своде, Кодексе Завета (Исх. 21:1 – 23:19), около половины постановлений имеет связь с древними месопотамскими законами, а внешняя форма текстов, формулирующих договор, соглашение (завет) между Богом и Израилем (Исх. 20-31; Втор. 1-32) соответствует форме, которую использовали в Месопотамии при оформлении договоров с правителями подвластных народов². Особенно близки правовые традиции Месопотамии к тем обычаям из области семейного права, которые мы видим в книге Бытие. «Семейные отношения еврейских патриархов – наилучший комментарий к законам Хаммурапи. Можно сказать, что и Авраам, и Иаков, и Лаван жили по вавилонскому праву», – отмечал Б. А. Тураев³. При этом, библейские законы отличаются своим уникальным характером, соответствуя общему библейскому учению. Бог является не только инициатором установления законности и социальной справедливости (как в месопотамской традиции), но и непосредственным автором законов, близким и внимательным к человеку. Библейские законы отстаивают высокое

¹ Акимов, В. В. *Правовые памятники Древней Месопотамии и Библия* / В. В. Акимов // *Труды Минской Духовной Академии*. № 4. Жировичи, 2006. С. 104-119.

² См., например, договор ассирийского царя Асархаддона, который он заключил с восточными и юго-восточными вассалами в 672 году (списки договора хранятся в Британском и Иракском музеях). Текст договора включает преамбулу с историей отношений сторон, условия договора (сообщается, что ожидает каждую из сторон), упоминание о положении копии договора в святилище, наконец, проклятия и благословения за нарушение или соблюдение договора. См.: Mitchell, T. C. *The Bible in the British Museum. Interpreting the Evidence*. P. 64-65. (Document 28).

³ Тураев, Б. А. *История Древнего Востока* / Б. А. Тураев. Минск: Харвест, 2002. С. 112.

достоинство личности человека как носителя образа Божия, придают большое значение личной ответственности человека. Наконец, своей высшей целью они имеют духовное совершенствование человека, обретение богоподобия, соединение человека с Богом.

Библия включает в себя и большой объем текстов, связанных с пророческой традицией. Эти тексты, находящиеся и в книгах пророков, и в качестве составной части исторических и поэтических библейских книг, также вполне сопоставимы с древними ближневосточными текстами. Хотя на древнем Ближнем Востоке мы и не встречаем развитой пророческой литературной традиции, подобной библейской, тем не менее, имеется ряд произведений, свидетельствующих о наличии феномена пророчества, имеющего ряд общих черт с библейским пророчеством¹. У географи-

¹ Акимов, В. В. *Библейские пророки и прорицатели Древнего Ближнего Востока: сравнительный анализ* / В. В. Акимов // *Материалы 14 Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных Дням славянской письменности и культуры, 22-24 мая 2008 г.* Мн., 2009. (С. 387-408). С. 393-394.

См. также:

Writings and Speech in Israelite and Ancient Near Eastern Context / Ehud Ben Zvi, Michael H. Floyd, editors. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2000. (SBL Symposium Series; no. 10).

Prophecy in its Ancient Near Eastern Context: Mesopotamian, Biblical, and Arabian Perspectives / Martti Nissinen, editor. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2000. (SHI Symposium Series; no. 13).

Prophets and Prophecy in the Ancient Near East / by Martti Nissinen with contributions by C. L. Seow and Robert K. Ritner; edited by Peter Machinist. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2003. (Writings from the Ancient World; no. 12).

Inspired Speech. Prophecy in the Ancient Near East. Essays in Honor of Herbert B. Huffmon / edited by John Kaltner and Louis Stulman. London – New York: T&T Clark International, Continuum, 2005. (Journal for the Study of the Old Testament, Supplement Series 378).

de Jong, Matthijs J. *Isaiah Among the Ancient Near Eastern Prophets. A Comparative Study of the Earliest Stages of the Isaiah Tradition and the Neo-Assyrian Prophecies* / By Matthijs J. de Jong. Leiden – Boston: Brill, 2007. (Supplements to the Vetus Testamentum; vol. 117).

ческих соседей евреев также существовали люди, имевшие особую связь с Божеством, через которых Божество говорило, возвещало Свою волю. Это были посредники между Богом и людьми, посланники Бога, чудотворцы, мудрецы, прозорливцы и авторитетные советчики, к которым обращались в ответственные моменты жизни. Для них были не чужды и своеобразные «мессианские предсказания» о приходе новой эпохи благоденствия, связанной с воцарением будущего правителя.

В Древнем Египте к подобной литературе можно отнести папирус Весткар, «Речения Ипувера», «Пророчество Неферти», «Пророчество Агнца», «Пророчество гончара», «Демотическую хронику». Из Древней Месопотамии до нас дошли тексты с предсказаниями, магические тексты, множество упоминаний о предсказаниях в исторической и религиозной литературе. Особое значение для изучения феномена библейского пророчества имеют тексты из древнего Мари. Пророки из этого аморейского города 18 века до Р. Х. наиболее близки к библейским пророкам. Эта близость касается и наименования пророков, и формул произнесения, и спонтанного характера пророчеств. О языческой пророческой традиции Сиро-Палестины свидетельствуют египетские «Злоключения Унуамона», угаритское «Сказание о Даниилу и Акхите», моавитская стела Мешы, стела Закира и надпись о пророке Вааламе¹, обнаруженная в Тель Дейр Алла.

Однако при всех частных параллелях, классическое библейское пророчество имеет свои уникальные черты. Это пророчество было стержнем религии евреев, было объектом законотворчества, имело законодательный характер, оно преследовало не утилитарные, а религиозно-нравственные цели, боролось с религиозным формализмом,

Divination and Interpretation of Signs in the Ancient World / edited by Amar Annus. The University of Chicago, 2010. (The Oriental Institute of the University of Chicago, Oriental Institute Seminars, Number 6).

¹ О надписи Валаама см., например: Шифман, И. Ш. *Ветхий Завет и его мир / И. Ш. Шифман. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 196-197.*

социальной несправедливостью, не имело связи с культовой магией. Особую роль в пророчестве играла личность пророка, который призывался на свое служение Самим Богом, а само пророчество приобретало особый Богочеловеческий характер. В результате деятельности многих пророков на протяжении целого ряда столетий сформировалась единая устойчивая пророческая традиция, укорененная в единой библейской традиции.

Непосредственно отразилась в Библии и поэтическая традиция древнего Ближнего Востока, в рамках которой создавались поэтические библейские тексты. Открытие параллелизма в различных его видах оказало влияние и на развитие экзегетики¹. Библейские псалмы могли испытать на себе воздействие и угаритской поэзии, и вавилонских гимнов², и гимнов Древнего Египта (достаточно вспомнить 103 Псалом, имеющие очевидные параллели с «Большим гимном Атону»³). Древняя ближневосточная любовная лирика могла вдохновлять автора Песни Песней⁴, шумерские Плачи над разрушением городов – автора библейской Книги Плача, который, следуя общей библейской традиции, отказался от природно-циклического объяснения гибели города в пользу религиозно-нравственного видения причин трагедии. При рассмотрении поэтических параллелей важ-

¹ Брек, Джон, протоиерей. *Хиазм в Священном Писании* / протоиерей Джон Брек. М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2006. См. примечания 21-22 на с. 69-70

Десницкий, А. *Поэтика библейского параллелизма* / А. Десницкий. М.: ББИ, 2007. См. главу 2: «Экскурс: параллелизм на древнем Ближнем Востоке».

² Григорьев, К. Г. *Библейские псалмы и древневавилонские гимны* / К. Г. Григорьев // *Православный собеседник*. 1911. № 3. С. 291-311.

³ Акимов, В. В. *Проблема происхождения 103 псалма* / В. В. Акимов // *Труды Минской духовной академии*. № 5. Жировичи, 2007. С. 114-123.

⁴ Синило, Г. В. *Песнь Песней в контексте мировой культуры: в 2 кн.* Кн. 1. *Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации* / Г. В. Синило. Минск : Экономпресс, 2012. С. 170-218.

но учитывать тот факт, что язык поэзии – язык образов и символов, для понимания которых далеко не всегда уместен буквализм. Библейская поэзия, используя арсенал древних поэтических приемов и образов, транслирует общебиблейские идеи.

В XX веке, когда были прочитаны и в достаточной степени изучены многие литературные памятники древних народов Ближнего Востока, учительные книги Библии стали рассматривать в контексте древней межнациональной традиции мудрости¹. В Библии в достаточной мере представлены произведения обоих направлений литературы мудрости, отражающие и нормативную дидактику, и протест против нее. Библейские книги мудрости обладают всеми основными чертами этой традиции. Они происходили из городской (придворной или школьной) среды, имели воспитательную цель, отличались антропоцентризмом и общечеловеческим характером затрагиваемых проблем, выходили за рамки ряда традиционных представлений (в том числе и религиозных), учили искусству практической жизни, имели поэтический характер, использовали традиционную для литературы мудрости лексику. Более того,

¹ О литературе мудрости и ее связи с Библией см.: Акимов, В. В. *Литература мудрости: Древний Израиль и страны Древнего Ближнего Востока* / В. В. Акимов // *Труды Минской духовной академии*. № 7. Жировичи, 2009. С. 133-159.

Акимов, В. В. *Библейская Книга Екклесиаста и литературные памятники Древнего Египта* / В. В. Акимов. Минск: Ковчег, 2012 – 454 с. (Библейский альманах «Скрижали»: Приложение «Монографии по библеистике», № 1). В этой же книге на с. 82-88 имеются ссылки на иностранные исследования, посвященные литературе мудрости.

Акимов, В. В. *Библейская Книга Екклесиаста и литература мудрости Древней Месопотамии* / В. В. Акимов. Минск: Ковчег, 2013 – 296 с. (Библейский альманах «Скрижали»: Приложение «Монографии по библеистике», № 2).

Синило, Г. В. *Екклесиаст и его рецепция в мировой культуре*. В 2 ч. Ч. 1. *Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации* / Г. В. Синило. Минск: БГУ, 2012. См. раздел на с. 25-53 «Дальний контекст Екклесиаста (литературы Древнего Ближнего Востока)»

даже библейскому понятию (Пре)мудрости, связанному с всеобщим мировым порядком, в целом ряде черт соответствует египетское учение о Маат и месопотамское представление о МЕ. Особое внимание библейской литературы мудрости к проблемам простых людей, симпатия к ним свидетельствует об укорененности библейских книг в самих истоках традиции мудрости, в народных пословицах и поговорках.

Для произведений мудрости древних ближневосточных народов характерно взаимное литературное влияние, легко переходящее национальные и религиозные границы, что было возможно благодаря общечеловеческому характеру затрагиваемых в этих произведениях проблем. Поэтому неудивительно, что в библейских книгах мудрости мы в изобилии встречаем цитаты и ссылки на произведения различных соседних народов. Среди таких произведений – целая серия египетских поучений, «Обличения поселянина», «Разговор разочарованного со своим Ба», «Беседа Хахаперрасенеба со своим сердцем», «Песнь Арфиста», «Речения Ипувера», «Пророчество Неферти», месопотамские поучения, сборники поговорок, группа текстов о невинных страдальцах, «Эпос о Гильгамеше», «Разговор господина с рабом» и другие.

Однако общечеловеческие проблемы, поднимавшиеся на страницах библейских книг, служили общим библейским целям, отчего даже книги критического направления приводили к неизбежности принятия традиционных библейских ценностей. Каждая библейская книга мудрости выполняет свою особую роль в каноне священных книг. Книга Притчей Соломоновых говорит о том, что мир и человеческая мудрость имеют своим истоком Мудрость Божественную. Книга Екклесиаста показывает, что человеческая мудрость без Бога в дальней перспективе совершенно бесполезна, она может обеспечить временное благополучие, но и она сама, и это временное благополучие обесмысливаются на пороге смерти. Эта книга рождает и смирение, и жажду правды, вечной жизни, Царства Божия. Книга Иова убеждает, что обладание мудростью, теорети-

ческим знанием о Боге без живого устремления к Богу, без жажды богообщения является совершенно бесполезным. Наконец, все эти книги подготавливали к принятию новозаветного откровения, учения о Сыне Божиим как Премудрости Божией, принятию Боговоплощения, учения о Страшном Суде, вечной жизни и Царстве Небесном.

Влияние древних литератур народов Ближнего Востока на Библию в наше время уже едва ли может быть подвергнуто сомнению. И было бы правильно направлять усилия не на отрицание этого влияния, а на его осмысление. Но при этом важно не забывать, что для православных богословов изучение древних литератур не может являться самоцелью. Это изучение остается лишь важным средством, помогающее постижению тех богословских идей, которые определяют богодухновенный характер Писания.

Для отечественной библеистики, как представляется, остается актуальным вопрос издания сборника древних ближневосточных и античных текстов с указанием параллельных библейских мест, подобного тем, которые имеются на Западе¹. Сегодня, в начале XX века, снова поднимается вопрос и о важности новых библейских переводов, об издании материалов, помогающих изучению Писания. В этом деле уже не обойтись и без тех важных результатов, которые получены в ходе сравнительного изучения Библии и древних литератур ближневосточных народов.

¹ *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1969. (Сокращенно – ANET). В дополнение к этой антологии Д. Притчард выпустил книгу: *The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament*. Edited by James B. Pritchard. Princeton University Press, 1954.

The Context of Scripture. Vol. I. Canonical Compositions from the Biblical World. Vol. III. Archival Documents from the Biblical World. Editor William W. Hallo. Leiden – Boston: Brill, 2003.